

БЕЗЫМЯННЫЕ МЕМУАРЫ

Когда мы писали для энциклопедии статью о бое при Лёвенберге, нам и в голову не могло прийти, что вскоре придется еще раз вернуться к данному сюжету. Совершенно случайно нам в руки попали мемуары некоего анонима, изданные неизвестно где в 1859 г. под названием «Пленные французы в России (1813-1814)»¹. Повествование начинается с объяснения причин задержки публикации данной работы. «При Реставрации, - пишет автор, - нельзя было говорить правду о людях и вещах». Он говорит, что решился рассказать о 30 тыс. французах, попавших, как и он, в плен. «Мое сообщение охватывает период в два года, начиная с 29 августа 1813 и заканчивая *великой катастрофой* при Ватерлоо. С поля боя при Лёвенберге, где я попал во власть русских, до Минска, куда я прибыл военнопленным... Я обрисовал обычаи и нравы пруссаков, поляков, литовцев, евреев, *казаков, мужиков* (Mougics), башкир и калмыков, с которыми я имел контакты». Заметим, что *казаков и мужиков* (надо полагать, ополченцев) автор числит по разряду особых народностей! Автор пишет: «В первые месяцы нашего плена я погибал под бичами казаков и кнутами мужиков».

Само повествование начинается с окончания Плесвицкого перемирия 10 августа 1813 г. «На следующий день наш полковник Фальку призвал к порядку командиров рот. "Господа, - сказал он им, - Австрия нарушила свои семейные обязательства; она объявила войну Франции; более того, она нарушила перемирие..."». 21 августа военные действия возобновились. Наполеон предпринял наступление и опрокинул армию Блюхера. Затем «император покинул Силезию, оставив Макдональду, командиру 11-го корпуса, командование корпусами Нея и Лористона, 3-м и 5-м, всего 75 000 человек. Император забрал маршала Нея и передал ему корпус Удино; Суам заменил князя Москворецкого в 3-м корпусе».

Так началась вторая кампания 1813 г. «Звезда Наполеона потускнела; фортуна, которая столь долгое время сопровождала его шаги, отвернулась от него. В момент, когда наши первые успехи опьянили нас надеждой и радостью, нас постигла ужасная неудача».

«Маршал Макдональд был главнокомандующим трех корпусов, которые составляли армию Силезии. 146-й [полк], к которому я принадлежал в качестве су-лейтенанта, составлял часть дивизии Пюто, принадлежавшей к корпусу Лористона. 25 августа после смертоносного боя перед Годельбергом, мы вошли в Богемские горы, преследуемые пруссаками Блюхера и русскими Ланжерона. 26, 27 и 28-го дождь лил потоками. Ручейки превратились в ручьи, ручьи - в реки, которые при своем разливе унесли хутора и целые деревни. Макдональд дал множество боев возле Кацбаха, Кесса и Бобера. Последовательно сражаясь и перейдя в полное отступление, он покинул несчастного Пюто, который три дня блуждал по берегу этой последней реки, не имея возможности перейти ее. 28-го вечером, намоченные дождем, изнуренные тяготами, ослабленные почти полным отсутствием пищи, мы остановились на биваке, чтобы в последний раз заночевать под своими знаменами».

Фабрис, адъютант генерала Пюто, подарил автору бутылку французского вина. «Мой генерал, - сказал мне Фабрис, - считает, что не сможет перейти Бобер, который отделяет нас от армейского корпуса. Бобер, возле которого мы находимся, превратился в необъятный поток; все мосты, по которым мы могли бы его перейти, снесены. У нас осталась одна единственная надежда его перейти, хотя и очень слабая: найти мост в Лёвенберге, куда мы прибудем завтра утром». «Генерал, - прибавил Фабрис, - не имеет никакой надежды спасти нас».

Утром 29 августа солнце поднялось во всем своем великолепии, дождь, наконец, прекратился. Погода стала налаживаться, но в 5.30 французы заметили примерно в 2 км тучу казаков, которые стали беспокоить их и захватывать оставших солдат. Застрявшие в грязи пушки пришлось бросить еще вчера, «удалось увезти только четыре или пять с их

зарядными ящиками, почти пустыми. Наши солдаты имели лишь по несколько зарядов. В семь часов на нашем пути появилась русская пехота и стала настойчиво преследовать нас. Казаки устраивали угрожающие демонстрации, делая вид, что хотят нас атаковать; колонна остановилась; были образованы каре; казаки ретировались, выкрикивая "Ура". Мы продолжили свое движение, все время по грязи, рывинам и канавам. В восемь с половиной часов мы взобрались на один холм. Он доминировал над небольшой равниной, на окраине которой струился Бобер, неистовый и ужасный. На другом берегу виднелся Лёвенберг... Но моста не было!

Мы заняли позицию на высотах Плагвица. Мы заняли все пространство этого холма, повернувшись спиной к Боберу; правый фланг опирался на утесы, которые омывал Бобер; левый фланг располагался у других утесов, почти неприступных. Напротив фронта находились русские и прусаки... Дивизию Пюто образовывали две бригады: первая, состоявшая из 146-го и 134-го [полков], так называемой гвардии Парижа, и из 5-го иностранного, находилась под командой генерала барона Фальку, который заменил генерала Вашо, убитого 23 августа. Вторая бригада, образованная 147-м, 146-м [полками] и эскадронам шассеров, подчинялась генералу барону Сибюе. Двенадцать полевых гаубиц находились под командой шефа эскадрона Бонафу. Эта дивизия включала от 5000 до 6000 человек, перед нами находились 20 000 русских и пруссаков. 146-й полк образовал правое крыло; моя рота стояла во главе. Ослабленная боями 21-го и 23-го, она имела только 50 вооруженных людей. Я ею командовал, хотя капитан присутствовал под знаменами. Я еще расскажу про этого капитана».

Рядом с ротой автора находилась рота, которой командовал его товарищ, также выпускник военной школы Сен-Сира Жуссеран, так как его капитан был убит 23 августа. Первый же оружейный выстрел унес последний ряд роты. В строю обнаружился легкий беспорядок. «Артиллерия противника пробивала насквозь наши ряды. Он установил батареи настолько близко от нас, что мы ясно слышали удары банников и команды офицеров. Мой полк состоял из голландцев». О солдатах и офицерах этой национальности автор отзывался сугубо отрицательно. Он сказал шефу батальона Жильберу: «Наши голландцы не устоят». Тот согласился, но сказал, что их позиция безнадежна.

«В этот момент один офицер прибыл сообщить мне, что генерал Фальку требует меня. Я поспешно направился к этому генералу, который раньше был моим полковником, которому я уже был представлен. Я нашел его спешившимся позади утеса, который его укрывал, если не сказать, что он там прятался. Он был сильно возбужден, и я был вынужден попросить его повторить мне свой приказ, отданный сначала столь изменившимся голосом, что я не смог его расслышать. "Возьмите вашу роту, - сказал он мне, - пройдите вперед, стреляя, и постарайтесь продержаться там некоторое время". "Для того чтобы стрелять, не хватает зарядов, и мои люди не пойдут". " Все равно идите. Русские прислали парламентаря к генералу Пюто; держитесь до того момента, когда я получу приказ".

Я направил свою роту вперед. Едва она проделала пятьдесят шагов, как я увидел неприятельских стрелков, взбирающихся на холм, который мы занимали. Позади следовала пехота, за ней эскадроны казаков и прусских черных гусар... Они решительно взбирались на скалу, которую я оборонял. Во главе их находился офицер, отличавшийся своим задором и бахвальством. Он опережал своих на несколько шагов, издавая русские воинственные крики: "V'pérod! V'pérod! Nieboïss! Nieboïss! (Вперед! Не бойся!)". Он добрался до возвышенности, где находился я, но поскользнулся на камнях, еще влажных от вчерашнего дождя. Мы оказались один от другого на расстоянии пистолетного выстрела. Я преодолел это расстояние в несколько прыжков и собрался воткнуть свою саблю ему в грудь. Меня опередил один сержант, который ударил его своим штыком. Русский покатился с камня на камень и упал мертвым к ногам своих солдат.

Я получил, вероятно, две сотни выстрелов из ружей; моя шинель, свернутая вокруг тела, мой мундир и кивер были изрешечены пулями, но ни одна не поразила меня.

Сержант был убит. Я повернулся, чтобы лично призвать моих голландцев. Я поднял глаза и увидел плато, которое занимал полк, совершенно пустым! Русские взбирались туда со всех сторон. Я побежал, чтобы спастись от них. С высоты холма я заметил на равнине наших солдат, бегущих к разлившемуся Боберу... Ужасное зрелище!

Я собрал несколько сотен храбрых людей, почти все офицеры и французы, которые, оставшись на маленьком круглом холме, хотели противостоять неприятелю и умереть с оружием в руках. Во главе их находился дивизионный генерал Пюто и бригадные генералы Сибюе и Фальку. Я видел также полковника 148-го [полка] Варена, двух майоров 146-го, Бернара и Луайяра, командана Бургуа, командана Жильбера, шефа эскадрона Боннафу, капитанов

Джексона, Нейля и Гросса, моих товарищей по Сен-Сиру Де Шана, Дюльто, Террена, Рамона, Дало, Лавансена, Варена, Ла Салля, капитана, старшего аджюдана 148-го, г. Рукье».

Но борьба была слишком неравной. Разбитые воины Пюто бросились к реке в безрассудной надежде преодолеть ее вплавь. «Я направился в сторону шефа батальона Жильбера. Один казак, размахивая своей пикой, приказал нам сдаться. "Пардон, - кричал он, - пардон!". Я увидел, как он направил на меня наконечник своего копья, отклонил его ударом своей сабли и спрыгнул на берег реки, который находился ниже нас на семь или восемь футов. Там я встретил офицеров, унтер-офицеров и солдат из всех наших полков... У наших ног находился свирепый Бобер со своими разлившимися водами; над нашими головами - ружья русских пехотинцев, карабины черных гусар и пистолеты казаков. Смерть повсюду, ужасная, неминуемая и бесславная!... Я разломил о колено свою саблю, которую я не хотел отдавать ни русским, ни пруссакам, и бросил ее в реку. Я метнул туда также свой кивер и шинель. Я попытался снять сапоги, но майор Луайяр меня остановил».

Пуля пробила Луайяру бедро и он упал лицом в воду, но невероятным усилием воли сумел подняться. «Генерал Фальку бросился в реку, либо полагаясь на силу своей лошади, либо, скорее, при виде такого разгрома хладнокровие совсем покинуло его и он не осознавал опасности, которую он старался избежать. Раненый пулей, он попытался вернуться на берег, но казаки вошли в воду и прикончили его ударами пик».

В этот последний момент отличился генерал Сибюе. «Когда он увидел, что все потеряно, что храбрость изнемогла перед численностью, что неизбежно следует сдаться или погибнуть, он более не колебался. Голосом, который не выдавал никаких других эмоций, кроме воодушевления, он потребовал орлов своей бригады. Ему их представили; он снял шляпу и поприветствовал их. "Г. Варен, - сказал он полковнику 148-го, - возьмите ваш штандарт и делайте, как я". Этот храбрый офицер не последовал до конца этому благородному призыву; тяжело раненный, он упал к ногам своего генерала. Тот подхватил знамя 147-го, своего прежнего полка, сломал древко о переднюю луку своего седла и метнул орел в Бобер.

"Да здравствует император!", - закричали солдаты, последний вызов, который они бросили неприятелю, последнее прощание, которое они адресовали Цезарю! Сибюе обвел взглядом вокруг себя, он увидел свои линии разорванными, полки Фальку рассеянными. Пюто отдал свою шпагу; он сломал свою и бросился в волны, но не в надежде их преодолеть, а с решимостью там умереть. Пронзенный двадцатью пулями, он свалился с лошади и умер. Так добро -вольной смертью завершилась жизнь, столь короткая, столь наполненная, столь богатая милостями подарков и обещаниями будущего. Мрачная могила для такого храбреца, Бобер стал для него такой же славной могилой, какой стало для его тестя Морана поле боя под Люнебургом, а для Монбрена, женатого на дочери последнего, Большой редут на Москва-реке.

Генерал Сибюе был одним из наиболее блестящих и самых молодых генералов армии. Прекрасные подвиги обратили на него внимание императора. Его высокая фигура, его импозантная наружность, мужественное лицо, забронзовевшее под солнцем Испании и Италии, его гордый взгляд, его акцентированная речь, его энергичные жесты - все в нем

говорило о твердом и решительном характере, о человеке инициативы и действия, об одном из тех храбрецов, которые во всех случаях и в любой час находятся выше любой опасности».

Из множества рыцарских поступков Сибюе автор упомянул об одном, случившемся после того как он, тогда еще полковник, был ранен 22 августа на Яуре. *«Полковник 147-го из-за тяжелого ранения оставался в своей палатке. Однажды ранним утром его солдаты издали крик тревоги; казаки совершили внезапное нападение на лагерь. Выскочив из своей постели, он вскочил на лошадь, воссоединил свой полк и эскадрон конных егерей, находившийся под рукой, атаковал казаков, изрубил их и обратил в бегство. Это было дело нескольких минут. Возвратившись с триумфом в лагерь, отважный полковник заметил, что он едва одет».*

Здесь нужно сделать первое уточнение. Мы потому уделили столько внимания этому генералу, что даже А. Пижар в своей капитальной работе не привел этого отрывка, хотя и процитировал другую книгу, написанную, видимо, сослуживцем Сибюе, Брийя-Савареном, и изданную в том же году, что и анализируемые мемуары. Сибюе имел «рост 5 футов, 6 дюймов и 6 линий, лицо круглое яркого цвета, нос прямой, глаза черные, брови и волосы черные». Он «долгое время был первым адъютантом генерала Массена, умер на поле чести в 1813 г. на переправе через Бобер. Проспер... имел очень хороший аппетит, через который природа возвещала, что она создала человека хорошего телосложения». Будучи женат на дочери генерала Ж. Морана, Сибюе приходился свояком генералу Л.П. Монбрёну².

Так заканчивался этот несчастный для французов день. «Неприятель с высоты балки, где он располагался, как из засады стрелял наугад и последовательно истреблял нас. Один русский офицер появился среди своих и приказал им прекратить огонь. Затем он обратился к нам тоном, который возвещал, что результат последует тотчас за угрозой. "Французы, - крикнул он нам, - сдавайтесь один за другим, или я прикажу убивать вас как свиней!". Русские догадывались о смысле этих слов, произнесенных по-французски, и приветствовали их дикими завываниями. "Мы сдаемся!" - немедленно закричали мои товарищи. И офицеры, и солдаты поспешили бросить свои шпаги и ружья к ногам победителей».

После этого казаки устроили форменный грабёж пленных, которому подвергся и автор мемуаров, поскольку на нем не было знаков различия. К своему счастью, он увидел офицера, который требовал их сдачи, и бросился к нему. «Монсир, - сказал я ему, - я французский офицер без оружия, как вы видите, и почти голый. Соизвольте меня защитить и сопроводить в русскую главную квартиру. С этого момента я нахожусь под вашей защитой». Тот взял автора за руку и сопроводил до места, где было множество офицеров на лошадях и в шляпах с плюмажами. Это был генерал-эмигрант Ланжерон со своим многочисленным штабом.

« Я был представлен Ланжерону. Офицеры моего полка подтвердили, что я являюсь сулейтенантом 146-го. Секретарь одного русского комиссара записал мое имя и фамилию, мое звание и номер моего корпуса. Это означало, что я стал военнопленным. Галло-русс (Gallo-Russe) Ланжерон и генерал Пюто оживленно беседовали. Пюто решительно пожаловался, что с ним плохо обращались и забрали все инсигнии его звания и его награды. "Ваши русские, - говорил он, - похитили у меня даже портрет моей супруги. Право победителя не должно доходить до этого". "Господин генерал, - отвечал Ланжерон, - вам вернут этот портрет, вам возвратят ваши эполеты, награды и шпагу".

Разговор двух генералов перешел к событиям этого дня и к вероятному исходу войны. "Знаете ли вы, - заявил русский генерал генералу французскому, - что Моро находится при императоре Александре уже несколько дней". "Это невозможно", - воскликнул Пюто. "Это невозможно", - повторили мы в один голос. Ланжерон ответил: "Он высадился 24

июля в Готенбурге; он приехал помочь союзным монархам своими талантами. Мы очень надеемся на победителя при Хоэнлиндене, первого полководца (capitaine) Франции: мы придем прямо в Париж". "Да, - ответил с достоинством Пюто, - да, Моро был, но не является более самым великим полководцем, но одним из великих полководцев Франции. Да, он творил чудеса, но, генерал, тогда он командовал французами, а во главе русских он будет разбит".

Красный цвет стыда покрыл лицо эмигранта, а его офицеры высказали несколько грубых угроз против императора и Франции. "Господин генерал, - сказал Ланжерон растерянным голосом, - вы забыли о своем положении и о том, что разговариваете с вашими победителями". "Это вы, - ответил Пюто тоном твердым и достойным,

- вы забыли, что имеете дело с храбрыми людьми, от которых отвернулась фортуна, но у которых нет недостатка в мужестве". "Вас было двадцать против одного", - выкрикнул ирландский капитан Джексон из 3-го иностранного. "Да, да", - повторили мы. Слова Пюто тронули и самого русского генерала; он протянул ему руку и повернулся к нам. "Господа, - сказал он нам, - вы храбро сражались". "Я сожалею, прибавил он, обращаясь к Пюто, - я восхищаюсь и сожалею, что генерал Сибюе предпочел умереть, чем быть моим пленником; это потеря для вашего императора и для вашей армии". Видимо, благородный ответ Пюто напомнил эмигранту, что он француз.

Один русский офицер, акцент которого выдавал его французское происхождение, не разделял сантиментов своего генерала. Он приблизился к нам и с презрением и хвастовством крикнул: "Изволите ли посмотреть на орлов, которых мы взяли у вас сегодня?". Мы были возмущены... Капитан Нейгль попытался быть услышанным: "Наши орлы! У вас они не все! Идите поищите в Бобере орел 147-го, который наш храбрый генерал бросил туда. Скажите волнам, чтобы они принесли вам орла 3-го иностранного (орел этого полка был спасен су-лейтенантом Лагранжем). Кроме того, если вы желаете увидеть орлов русских, австрийских и прусских, знамена и стяги всех наций Европы, то постарайтесь прийти в Париж, как угрожал нам ваш генерал, войти в церковь Дома Инвалидов и, даю слово, будете довольны". "Черт возьми, - крикнул ему шеф эскадрона Боннафу, - значит, русские мало доверяют своим генералам, коли они возлагают все свои надежды на генерала Моро". "Чтобы Моро сражался против Франции? Этого не может быть, это неправда", - сказал командан Жильбер».

При наступлении ночи пленники получили приказ направиться ночевать в ближайшей деревне «под эскортом, состоявшим из русских пехотинцев, казаков и прусских черных гусар». Первая ночь плена была ужасной.

Здесь нужно сделать второе уточнение. Автор не совсем верно описал состав дивизии генерала Ж.П. Пюто. После перемирия в состав этой дивизии (начальник штаба полковник И.Б. Бернар) входили 1-я бригада генерала М. Вашо (линейные полки 134-й полковника М.Ф. Брийя-Саварена, 146-й полковника А.Ж. Фальку и 3-й Иностранный (ирландский) полк полковника Г. Лолесса), 2-я бригада генерала О. Ж. Буассероля (линейные полки 147-й полковника Ж.Ф. Фолэна и 148-й полковника М.А. Обера), артиллерия шефа батальона Боннафо (1-я и 11-я роты 5-го пешего артиллерийского полка, 12 орудий). Всего в дивизии 13 батальонов, 8250 человек и 20 орудий. 22 августа Буассероль по состоянию здоровья был заменен сначала Обером (произведенным в генералы), а затем генералом Б.П. Сибюе. 23 августа при Гольдберге был убит Вашо и командование бригадой принял генерал Р. П. Пенн, так что автор напрасно именовал Фальку генералом. 26 августа дивизия вместе с сотней конных егерей 6-го полка была послана в обход правого фланга союзников, но после поражения маршала Э. Макдональда при Кацбахе, она была разбита 29 августа при Лёвенберге. В тот день майор 148-го полка П. Ж. Варен был произведен в полковники, но тут же был ранен пулей в левое бедро. В плен попали Пюто, полковники Бернар, Варен и Фолэн, 13 шефов батальона, около 100 офицеров и 3-4 тыс. солдат, захвачены 16 орудий с зарядными ящиками, орлы 134-го, 146-

го и 148-го полков, два последних взяты поручиком Калининым и прапорщиком Богдановым из 28-го егерского полка. Спаслось несколько сотен человек, в том числе раненные генерал Пенн, полковники Брийя-Саварен и Лолесс. Дивизия больше не восстанавливалась. В «Журнале корпуса генерала Ланжерона» сказано, что были захвачены орлы 146-го и 148-го полков, а «орлы 134-го и 147-го полков брошены были неприятелем в реку Бобер, в коей отыскано одно только знамя 134-го полка. Генерал Сибует, хотевший переплыть реку Бобер, утонул». Сам А.Ф. Ланжерон признавал, что «генерал Пюто, который в этих жестоких обстоятельствах проявил столько же мужества, сколько и хладнокровия, своей твердостью и своей манерой держаться даже после своего несчастья с полным правом заслужил мое уважение»³.

Далее автор припомнил события, случившиеся еще до пленения. Он особенно плохо отзывался о голландских солдатах и офицерах своего полка. Он рассказывает, что когда полк пошел в атаку на противника, его капитан Клуд велел ему командовать ротой. Но 23 августа во время смотра он попытался вновь принять командование, что не понравилось анониму. «Я не захотел уступить ему командование; последовала ссора. В этот момент перед фронтом батальона проезжал командующий 5-м корпусом Лористон с дивизионным генералом Пюто, бригадными генералами Сибюе и Вашо и главным штабом. Он немедленно осведомился о предмете спора, столь странного для дисциплины и военных уставов. Я ему откровенно назвал его и поведал ему о поступках капитана Клуда.

"Это несправедливо, мой генерал, - прибавил я, что господин, который весь день был *симулянтом (fricoteur)*, командует ротой, когда можно заслужить крест". Полковник Фальку и командан Жильбер подтвердили мое заявление. Генерал Лористон, который сначала посмеялся над словом *пройдоха*, выдуманным во время кампании в России, приказал капитану Клуду немедленно передать свою шпагу старшему адъютанту батальона, и велел полковнику взять его под стражу до того момента, когда он будет передан судье армии».

Клуд попал в плен 29 августа вместе со всеми. «Голландские солдаты имеют столь вялый характер, столь слабую природу, что, прибыв вечером на бивуак после марша всего в несколько часов, предпочитают лучше завалиться спать без еды и спать под дождем на мокрой земле, чем идти за древесиной, соломой и продуктами, и даже не сделают несколько шагов, чтобы их раздобыть».

Пленных отправили в Бреслау. Накануне туда был доставлен генерал Вандамм. «Эта новость быстро распространилась. Может быть, это специально сделали русские, чтобы всколыхнуть все население, которое, говорят, много пострадало от некоторых военных мер, принятых этим генералом в предыдущую кампанию. Образовались многочисленные сборища на площади, напротив гостиницы, куда поместили Вандамма. Из среды этих скопищ исходили грозные крики; из них выходили разъяренные люди, выкрикивавшие "Капут!", и пытавшиеся войти в отель; караульные отталкивали их.

С каждой минутой сборище увеличивалось, издавая яростную и убийственную брань. Ворота отеля были закрыты, и с соседнего поста прибежала дюжина пехотинцев под командой сержанта.

Между тем генерал Вандамм, спокойный, невозмутимый, с руками за спиной, курил, прислонившись к окну своих апартаментов, и с презрением смотрел на это буйное население, которое требовало его головы. В него бросали камни, которые разбили оконное стекло; он оставался неподвижен. Увидев направленные против него ружья, он открыл окно, раздвинул свои одежды и подставил свою обнаженную грудь своим убийцам.

Пост был усилен. Генерал слышал удары топоров и топорниц по дверям, он пожал плечами и продолжил курить свою трубку настолько спокойно, как будто бы ужасная опасность, которой он подвергался, угрожала всем прочим, а не ему. Его смерть казалась неминуемой; толпа уже разломала внешние двери, устремилась в коридоры, когда пикет кирасир выехал из-за угла площади, полностью выгнал ее и спас его.

Я не был очевидцем этого происшествия; передаю его так, как мне рассказали о нем мои товарищи. Это точно, что генерал Вандамм претерпел очень плохое обращение со стороны пруссаков. Во многих городах Пруссии я видел сотни топорно сделанных и ужасных карикатур, где он фигурировал с некоторыми из наших генералов, наиболее заслуженных в империи, но чаще всего один. Как я помню, одна из них представляла его покрытым лохмотьями, с мешком за спиной, идущим пешком по снегам России, перед казаком, который ударяет его своим кнутом; внизу помещена мнимая биография генерала, где он назван вором и злодеем.

После его поражения под Кульмом император Александр, которому он был представлен, назвал его грабителем и разбойником. "Я, может быть, грабитель и разбойник, - решительно ответил Вандамм, - но это преступления, в которых меня никогда не упрекнут". Александр сделал вид, что не расслышал этого откровенного ответа. "Уведите его", - сказал он».

Тут необходимо сделать третье уточнение, так как существует несколько версий о том, как Вандамм был принят царем. Генерал П. Бертезен так передал его разговор с царем: «Вандамм имел репутацию грабителя и был жесток по отношению к эмигрантам. Император Александр, к которому он был приведен, принял его, говорят, очень плохо и упрекал за его поведение. Оскорбленный Вандамм пожаловался на недостаточное уважение, оказанное ему, и прибавил, что *он поступил бы хуже, если бы убил своего отца!* Сравнение было слишком сильным, поэтому в течение всего плена с ним обращались очень грубо». Понятно, что А.И. Михайловский-Данилевский передал этот разговор иначе: «Издали показался Вандамм, ведомый казаками; завидя государя, он сошел с лошади и поцеловал ее. Его величество сначала принял его с важным видом, *но когда Вандамм сделал масонский знак*, император сказал ему: "Я облегчу сколько можно вашу участь"... Вечером государь приказал мне находиться при пленных генералах Вандаме и Аксо». «Через два дня Вандама отвезли в Москву, и по дороге от Теплица до Вислы, немцы осыпали его ругательствами, вовсе непозволительными, ибо не им было судить сего генерала в прежних его насильственных поступках... Они должны были видеть в нем только полководца, которому изменило счастье»⁴.

Из Бреслау колонна пленных направилась в Варшаву. Она уменьшилась из-за предательства голландцев, но офицеры прочих наций остались верны Наполеону. «Это были французы, поляки, саксонцы, вестфальцы, баварцы, вюртембергцы, тирольцы, неаполитанцы, пьемонтцы, итальянцы, испанцы, португальцы, ирландцы. Я не могу сказать точно, сколько в это время было среди нас офицеров и солдат различных нравов, языков, разных интересов, хотя они повиновались одному командиру, хотя были соединены под одними знаменами.

Саксонцы, вестфальцы, баварцы и вюртембергцы противились примеру измены, данному голландцами, который мог стать заразительным. Многие из них остались нам верны даже после того, как их суверены покинули наш союз. Неаполитанцы, пьемонтцы и итальянцы говорили о Наполеоне с энтузиазмом; итальянцы оспаривали у нас это имя; для них корсиканец, если пренебречь древностью, вновь сделался старым итальянцем; среди них не было перебежчиков. Португальцы и итальянцы утаили свою злобу против императора; русское правительство задержало их в Варшаве, несомненно, для возвращения их на родину. Они не приняли службу против Франции. Ирландцы любили нас меньше, это так, чем они ненавидели англичан, но Франция могла рассчитывать на них. *Поляки были французами севера*».

На с. 31 своего повествования аноним пишет: «Передо мной прошел обоз унтер-офицеров и солдат, многие узнали меня; не останавливаясь, они адресовали мне слова сожаления и сострадания... Другие, полностью подавленные своим несчастьем, бросили

на меня тупой взгляд. "Это г. Буиссон (Bouisson), - сказали они, - скоро он получит свое", и они удалились вздыхая». Наконец-то мы узнали имя автора этих мемуаров.

«Обоз был уже далеко, - продолжает Буиссон, - когда показались казаки арьергарда. Они полным ходом поспешили ко мне и окружили меня, подгоняя воем радости и бешенства. "Pachol!-, сказал мне один из них, - pachol! Sabak! Idolokronnick, Chelma! Razboïnick! Joukinsinn! (Марш! Марш! Свинья! Язычник! Разбойник, злодей, нечестивец, безбожник!)". "Dingui! Dingui! (Деньги! Деньги!)", - кричал мне другой и подталкивал меня наконечником своего копья. Я слышал произнесенные ими несколько угрожающих слов, я слышал, как один из них призывал других убить меня. Я подумал, что они решили меня замучить. Чтобы покончить одним ударом с жизнью, я решил их спровоцировать, рассердить оскорблением. Я обозвал их "канальями", словом, которое перешло во все языки. Я увидел, как эти варвары направились убивать меня, и обрадовался; настолько я был несчастен! Я видел перед собой столько несчастья, что смерть могла быть для меня только благодеянием.

Я приблизился к своему последнему моменту. Казаки с диким смехом спорили, кто из них ударит меня первым. Один из них поднял свою пику... Но тут из-за поворота дороги появилась повозка русского офицера; внутри был Соленский; он заметил меня и бросился на дорогу, издавая крики. В одно мгновение он оказался возле меня. Казаки удалились». Жизнь пленника была спасена.

Во время пребывания в Варшаве пленные заметили необычную процессию и стали гадать, что это такое. «Один поляк, проходя быстро мимо нас, сказал по-французски, не глядя на нас: "Это гроб генерала Моро! Моро убит в Дрездене!". Гроб Моро! Моро убит в сражении под Дрезденом, где командовал Наполеон! Остатки Моро в Варшаве, где русские отдают ему воинские почести». Пленники долго злорадствовали по этому поводу. В Варшаве казаки и мужики, «эти варвары, были заменены калмыками и башкирами». Автор весьма подробно описал оба эти народа и даже процитировал шесть куплетов, сочиненных одним су-лейтенантом, под названием «Амур башкир», которые должны были исполняться под звуки флейты и барабана. Но это уже совсем другая история...

В этих мемуарах проявилась характерная для данного типа источников двойственность: с одной стороны, в них содержатся детали, которые не встретишь в официальных документах; с другой стороны, их нужно обязательно сравнивать с показаниями других источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Les prisonniers français en Russie (1813-1814). S. 1., 1859. P. 2-31, 60, 64.

² Brillat-Savarin. Physiologie du goût. S. 1., 1859. P. 81-82; Pigeard A. Les étoiles de Napoléon. P., 1996. P. 567.

³ Bowden S. Napoleon's Grande armée of 1813. Chicago, 1990. P. 225-26, 254; Nafziger G. Napoleon at Dresden. Chicago, 1994. P. 51-52, 74-77, 301; Beitzke H.L. Geschichte der deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813 und 1814. Berlin, 1864. Bd. II. S. 219-22; Pigeard A. Op. cit. P. 529.

⁴ Berthezene P. Souvenirs militaires... P., 1855. T. 2. P. 279; Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 г. СПб., 1834. С. 256-57; Он же. Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. VI. С. 210; Он же. Журнал 1813 г. // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 360.